

Бентли Литтл

Мать Майи

Было жарко, когда я ехал через пустыню к дому Большого Человека. Он жил сразу за Пинакл-Пик. Когда-то, наверное, здесь стоял один-единственный дом, но сейчас город наступал, и всего несколько миль открытого пространства разделяло его окраины и грязную дорогу, ведущую к поместью Большого Человека.

Я свернул на не отмеченную знаками подъездную дорогу, сбросил скорость, вглядываясь через запыленное лобовое стекло. Большой Человек не прилагал усилий, чтобы облагородить свои земли, но здесь было гораздо больше, чем просто кактусы и камни. Части куклы висели на колючем проволоочном заборе: рука, нога, туловище, голова. Мескитовые кресты часовыми возвышались у скотного загона. Залитое кровью пугало с черепом койота на плечах стояло лицом к дороге, вскинув руки.

Я надеялся, он не настолько напуган - или, по крайней мере, не настолько суеверен, - и начал потихоньку выходить из себя, продвигаясь все глубже в пустыню и все дальше от цивилизации. По телефону он не сказал, почему захотел нанять именно меня, сказал только, что у него проблема, требующая разрешения. Но нескольких деталей, которые он сообщил, оказалось достаточно, чтобы подогреть мой интерес.

Его дом стоял на небольшом возвышении, окруженный цереусами, и представлял собой одну из тех благочинных фрэнк-ллойдовских* * Фрэнк Ллойд Райт (1867 - 1959) - американский архитектор. построек, которые пышным цветом цвели здесь в конце пятидесятых - начале шестидесятых, когда сам Мастер открыл свою архитектурную школу северней Скоттсдейла. Сооружение, что и говорить, впечатляющее. Низкое, симметричное, сплошной камень и стекло, оно отлично вписывалось в ландшафт и внушало надежду на будущее, умершую задолго до того, как была построена темная квадратная коробка моего дома в Финиксе. Один из людей Большого Человека вышел встретить меня и проводил внутрь, позволив припарковать мой грязный говномобиль рядом с настоящей армадой сияющих мерседес-бенцев. Внутри дом впечатлял так же, как и снаружи. Много света. Пальмы в кадках. Полы твердолиственного дерева и мебель в тон. Меня провели через широоченные двери и впустили в гостиную раз в пять больше всей моей квартиры.

- Он здесь, - объявил шестерка вместо представления. И я наконец встретился с Большим Человеком. Разумеется, я слышал о нем. Да и кто в Финиксе не слышал? Но я никогда не встречался с ним, не видел его и не говорил с ним. Я смотрел на человека перед собой, испытывая разочарование. Я ожидал чего-то более впечатляющего. Сиднея Гринстрита* * Сидней Гринстрит (1879 - 1954) - американский киноактер, наиболее известная роль - синьор Феррари в «Касабланке» (1942)., может быть. Орсона Уэллса** ** Орсон Уэллс (1915 - 1985) - американский актер, режиссер, сценарист.. А мне навстречу поднялся с кушетки похожий на Ричарда Дрейфуса*** *** Ричард Дрейфус (род. в 1947 г.) - американский актер, режиссер, сценарист. человек, пожал мне руку и представился Винсентом Прессменом.

Были времена, когда я даже не стал бы отвечать на его звонок. Я работал исключительно на хороших парней, придерживался всех основных правил, чтобы сохранить лицензию детектива, имел дело только с законопослушными гражданами, попавшими в неприятности. Я по-прежнему старался поступать именно так, когда это было возможно, но теперь уже встречались темные пятна, и, стараясь осмыслить свое поведение, я иногда, одинокими ночами, думал о том, что делаю, и понимал - наверное, я не так уж чист и честен, как мне хотелось бы.

А это всего лишь многословное объяснение того, что теперь я берусь только за те дела, которые вызывают у меня интерес. Ведь в мире так много потерянных собак, пропавших

подростков и многоженцев.

А дело Большого Человека меня заинтересовало.

Как я сказал, он поведал немного, но намеки воодушевляли. Вода, превратившаяся в кровь. Тень, двигавшаяся за ним из комнаты в комнату, от дома к дому. Непристойные звонки по отключенному телефону. Он заявил, будто не знает, кто за этим стоит, но у меня сложилось ощущение, что знает. Я решил, что смогу выступить посредником между ними, сведу их вместе, улажу все без суда и без всякой кровавой возни.

По крайней мере, таков был мой план.

Я сел, как было указано, в белое кресло, глядя на Большого Человека, сидевшего напротив, по другую сторону стеклянного кофейного столика. Он прочистил горло.

- Я слышал, вы занимаетесь этой чепухой, всякой сверхъестественной дрянью.

Я пожал плечами.

- Этот дом набивали «жучками» и снимали их, проверяли всеми известными электронными приборами, но никто так и не смог дать объяснения тому, что здесь творится.

- Но вы и не думаете, что в доме есть привидения.

Он сверкнул на меня ледяными стальными глазами, Ричард Дрейфус или нет, я впервые уловил то, что делало Винсента Прессмена самой опасной теневой фигурой на всем Юго-Западе.

- Я сказал вам, кто-то преследует меня.

Я кивнул, стараясь казаться спокойнее, чем был на самом деле.

- А я спросил вас, кто это.

Он вздохнул, потом жестом приказал всем остальным выйти из комнаты. Уставился на меня, глядя прямо в глаза. Я выдержал взгляд, хотя он уже начинал нервировать меня. Он молчал, пока мы не услышали, как захлопнулась дверь. Тогда он откинулся на кушетке, взглянул разок на дверь и заговорил:

- У меня работала горничная. Гватемальская сучка. Страшная, как смертный грех, но ее дочка лакомый кусочек. Майя, так ее звали. Худенькая. С большими сиськами. Вечно попадалась мне на глаза. Вообще-то я не люблю молоденьких, я же не педофил какой-нибудь, но эта крошка меня покорила. Ей было лет шестнадцать или около того, и она вечно слонялась поблизости в своем бикини, выходила среди ночи к холодильнику перекусить в одних трусиках и футболке. Ну, вы понимаете.

В общем, стерва-мамаша сделала мне предупреждение, осмелилась сказать, чтобы я лучше держался подальше от ее дочурки. Позже я видел дочку, у нее на щеке был синяк, словно ее ударили, побили. Я вызвал мамашу и сделал предупреждение *ей*, сказал: если хоть волосок упадет с головы ее девчонки, я прирежу ее саму и скормлю койотам. - Он улыбнулся. - Просто, понимаете, хотел ее припугнуть.

Я кивнул.

- И девчонка потом пришла, благодарила меня. Слово за слово, я позвал ее в спальню и... я ее трахнул. - Голос Большого Человека упал. - Дело в том, что, когда я кончил, открыл глаза, ее... ее не было. Она стала тряпичной куклой. Тряпичной куклой в человеческий рост. - Он замотал головой. - Не знаю, как это случилось, как они это сделали, но это произошло мгновенно. -

Он щелкнул пальцами. - Вот так! Я сжимал ее задницу, зарывал лицо в ее волосы, а в следующий миг ощутил, что ее ягодицы превратились в тряпку и я зарываю лицо в солому. Меня пронзил страх. Я выскочил из постели, а кукла усмехалась мне широкой тупой усмешкой, вышитой на ее роже. Он нервно облизнул губы.

- Она даже не была похожа на Майю. Вообще на человека. Я позвонил по внутреннему телефону, приказал своим людям убедиться, что мамаша с дочкой не покидали дом. Велел пойти за ними и найти, особенно мамашу. Когда я обернулся, постель была пуста. Даже кукла исчезла.

Он минуту помолчал.

- Они исчезли тоже, - предположил я. - Так ведь?

Он кивнул.

- Обе, и сразу после началась вся эта чепуха. Я отдал приказ, велел моим людям найти горничную, схватить ее, но такое впечатление, что она как сквозь землю провалилась.

- Итак, вы хотите, чтобы я нашел женщину. Он подался вперед.

- Я хочу, чтобы вы покончили с этим дерьмом. Мне плевать, как вы это сделаете, только сделайте. Найдите ее. Если нужно, оставьте ее в покое, мне все равно. Я только хочу снять проклятие. - Он снова откинулся назад. - Потом, когда все это кончится, я решу, что с ней делать.

Я кивнул. Мы оба знали, что он собирается с ней сделать, но это была одна из тех вещей, о которых он не хотел говорить, г. я не хотел слышать.

Я подумал о Шмеле, и хотя воспоминания о той истории были свежи, эмоции утихли, и теперь все казалось почти забавным.

Ну, может, не забавным.

Любопытным.

Подобные вещи вызывают интерес.

- Как вы меня нашли? - спросил я. - Телефонная книга?

- Я же сказал, я слышал, вы разбираетесь в подобных вещах.

- От кого? Он улыбнулся:

- У меня свои источники.

Это мне не понравилось. Я никому не рассказывал о Шмеле, а те, кто знал, были либо мертвы, либо бежали.

- Еще говорят, вы связаны с нелегалами. Я подумал, это будет кстати.

- У вас хороший слух.

- Я не был бы там, где я есть, если бы не делал этого. Я, кажется, слишком долго глядел на него.

- Ладно, - произнес я. - Я возьмусь за дело. Но это будет стоить две с половиной тысячи плюс расходы. Сумма была гораздо выше той, что я просил обычно, но я знал, Большому Человеку она по карману.

Он согласился с моими условиями, не споря. Я понял, что мог бы и должен был запросить больше. Но в подобных вещах я никогда не смыслил, и вот снова моя наивность исключила меня из списка тех, кто в день выплаты получит хороший куш.

- У вас имеется фотография горничной? - спросил я. - И имя? Он покачал головой.

- Даже имени не знаете?

- Я никогда не звал ее по имени. Это было мне безразлично. - Он махнул в сторону холла. - Может, Джонни или Тони знают.

Неведение сильных мира сего. Я забыл принять его во внимание.

Быстро вошел один из холуев. Прессмен спросил, как звали горничную, но тот тоже не знал, он поспешно вышел и вскоре вернулся, отрицательно качая головой.

Большой Человек усмехнулся:

- Полагаю, это означает, что мы забыли выплатить налог на ее социальное обеспечение.

- Но девушку-то звали Майя? - переспросил я. Он кивнул.

- Значит, мать Майи. Начну с этого.

- Делайте, что нужно, - произнес он. - Но я хочу получить результат. Я жду от людей завершения работы, ради которой их нанимают, и я не люблю разочаровываться. Мы понимаем друг друга?

Момент был совершенно киношный. Должно быть, он смотрел те же фильмы, что и я, и старательно играл свою роль, но меня охватило такое чувство, словно я продал душу Банде, словно прыгнул выше головы, загнал самого себя в угол и теперь стою перед выбором, плыть или тонуть. Жуткое чувство.

Но в нем было и что-то будоражащее.

Я кивнул, и мы с Прессменом пожали друг другу руки. Пришлось напомнить себе, что не следует поддаваться под влияние всего этого блеска. Это нехорошие парни, сказал я себе. Я

лишь временно работаю на них. Я вовсе не один из них и никогда не хотел бы стать таким.

Я поехал через пустыню обратно. Был лишь один известный мне человек, способный разобраться в этом, Гектор Маркес. Гектор когда-то был борцом, местным чемпионом в полутяжелом весе, несколько лет назад на него наехал Армстронг со своими жлобами, его обвинили в похищении платежной ведомости, к которой он не имел никакого отношения. Я нашел ему хорошего адвоката, Ярда Стивенса, старого приятеля, который был кое-чем обязан мне, но даже этого оказалось недостаточно, чтобы опровергнуть сфабрикованные улики и показания нанятых Армстронгом свидетелей, и Ярд сказал мне в неофициальной беседе, что лучший вариант для Гектора - исчезнуть. Я передал его слова, и с тех пор ордер на арест Гектора так и лежит.

Я не видел Гектора после его исчезновения, но я знал кое-кого, кто знал кое-кого, кто мог бы связаться с ним, и я навел справки. Я ожидал, что потребуется междугородный телефонный звонок, что Гектор скрывается в Техасе или Калифорнии, но он по-прежнему находился здесь, в Долине, и женщина, которая говорила от его имени, сообщила, что он готов встретиться со мной.

Мы назначили встречу на полночь.

Саус-Маунтин-Парк.

Здесь полегло немало народу, и, хотя городские власти не один десяток лет пытались улучшить его репутацию, парк оставался пристанищем бандитов, пьяных краснорожих юнцов и ненароком забредших наивных парочек, ищущих уединения.

Иными словами, не самое подходящее место для семейных пикников.

Вид, однако, был потрясающий, и когда я вышел из машины и поглядел со стоянки, я увидел огни Долины, тянущиеся от Пеории до Апачей. Финикс ночью казался чище. Огни пробивались сквозь смог, и все стало совсем как в кино, напоминая, как оно было в старые добрые времена.

Меня внезапно осветили фарами, я развернулся и увидел три мужских силуэта на фоне припаркованного «шевроле». Один из мужчин двинулся ко мне.

Прошло три года с тех пор, как я видел Гектора, и он определенно постарел. Ему, наверное, было около тридцати, но он выглядел как человек, разменявший пятый десяток, прежнее лучащееся оптимизмом лицо было погребено под морщинами и складками разочарований и растаявших иллюзий. Тело борца порядком обрюзгло.

- Гектор, - позвал я.

Он подошел ко мне to обнял. Объятие длилось несколько дольше, чем требует ритуал, и я в первый раз понял, что он искренне и по-настоящему скучал по мне. Я не знал, почему он не показывался, если по-прежнему жил в Долине, единственное предположение - не хотел навлекать на меня неприятности. И я почувствовал себя виноватым за то, что сам не пытался его найти.

Он отступил назад и оглядел меня.

- Как дела, приятель?

- Моя жизнь не переменилась.

- Надежная.

- Как скала.

Он засмеялся, и я увидел у него металлический зуб.

- Не знаю, сказала ли тебе Лиз, что я занимаюсь одним делом, и мне нужна гватемальская ведьма, которая когда-то работала горничной. У нее есть дочь Майя. Я подумал, ты мог бы меня познакомить с кем-нибудь, чтобы было от чего оттолкнуться.

Гектор минуту подумал.

- Я мало знаю о гватемальцах. Ты поговори с Марией Торрес. Она держит небольшой винный погребок в центре между Южной и Главной. В старом доме возле Ветеранов. Ее сын женат на гватемалке. Она может тебе помочь.

- И ты не мог сказать мне этого по телефону? - я пихнул его под ребро. - Мне пришлось

тащиться сюда посреди ночи?

- Я хотел повидаться с тобой, брат.

Я улыбнулся ему. Я не слишком чувствительный парень, но я сжал его плечо.

- Я тоже хотел повидаться с тобой, Гектор. Рад снова видеть тебя.

Мы немного поговорили о жизни, но было очевидно, что приятели Гектора начинают беспокоиться, и, когда вспыхнули фары и раздался гудок, он сказал, что, пожалуй, пойдет.

- Я позвоню, - пообещал я. - Выберемся куда-нибудь вместе. Днем. Подальше от Финикса.

Он помахал рукой.

На следующее утро я узнал, что Гектора выследили.

Мне позвонил Армстронг. Торжествует, понял я. Он сказал, Гектора нашли в мусоросжигателе, обгоревшего до неузнаваемости. У него были выбиты зубы, а подушечки пальцев срезаны, чтобы личность невозможно было установить. Копам, однако, удалось установить личности тех, кто с ним был, и одна из женщин, пришедших за телом своего мужа, сказала, что Гектор общался с этими парнями, а прошлой ночью уехал вместе с ними, и это, скорее всего, его тело.

Лейтенант помолчал, смакуя историю.

- От того мусорника жутко воняло.

Я повесил трубку, меня мутило. И тут же снова схватился за телефон и набрал номер Большого Человека. Я был в таком бешенстве, что рука заболела, так сильно я вцепился в трубку, и когда он сам ответил на звонок и произнес мягкое и тягучее «алло», все, что я сумел, это не наорать на него.

- Вы убили Гектора Маркеса, - заявил я с ходу.

- Это не...

- Вы расчудесно знаете, кто это, и вы убили Гектора Маркеса.

- Простите. Я не знаю человека с таким именем.

- Я выхожу из дела. Ищите себе другого подхалима выполнять грязную работу.

- Я бы этого не хотел. - Большой Человек понизил голос, в нем звучала угроза.

- Черт вас побери. Он вздохнул:

- Послушайте, мне жаль. Если что-то случилось с кем-то из ваших знакомых - а я не говорю, что так оно и есть или что я имею к этому какое-то отношение, - должно быть, это ошибка. Если хотите, я разужнаю для вас подробности.

- Я хочу получить от вас гарантии, что ничего подобного впредь не произойдет. Если я буду продолжать работать, мне нужно ваше слово, что никого не убьют, ни на кого, с кем я встречаюсь, не нападут. Хотите следить за мной, прекрасно. Но если я получаю от кого-то информацию, это не значит, что человек имеет отношение к этому делу. Вам придется позволить мне работать, как я привык, иначе я уываю руки. Можете угрожать мне чем угодно, но таковы мои условия, мои правила. И так будет. Соглашайтесь, или я ухожу.

- Я понял, - произнес он примирительно. - Небольшое недоразумение. Как я уже сказал, я не имею никакого отношения к тому, что произошло с вашим другом. Полагаю, у меня достаточно влияния, и я могу обещать вам: ничего подобного не повторится. Даю вам слово и сожалею о вашей потере. - Он помолчал. - Нашли какие-нибудь зацепки?

- Гектор был моим другом.

- Я же сказал, сожалею.

Я все еще был в ярости, но у меня хватило ума не продолжать. Я мог быть смелым, когда злился, но я не был дураком. Я тяжело вздохнул.

- Гектор назвал мне имя женщины, которая сможет ввести меня в гватемальскую диаспору. Я покручусь там. Посмотрю, что можно узнать о Майе и ее матери.

В трубке повисло молчание, но я догадался, что он кивает.

- Держите меня в курсе, - произнес он.

- Разумеется.

Я по-прежнему пребывал в ярости, но сделал вид, что это не так, и мы закончили беседу на фальшивой примирительной ноте. Повесив трубку, я задумался, каким должен быть человек, чтобы так легко относиться к чужой жизни, заказывать убийство, как другие заказывают обед, и решил, человек, способный на такое, считает вполне законным изнасилование дочери своей прислуги.

И этот человек - мой клиент.

Мне не хотелось думать об этом, и я побрел в кухню готовить пробуждающий утренний кофе.

Когда я приехал, винный погребок Марии Торрес был закрыт, поэтому я зашел в ближайший «Макдональдс» выпить кофе. Там оказалась толпа головорезов, вздыхающих под дверьми занятых уборных, и куча враждебных физиономий среди молча таращившихся из-за столиков посетителей, поэтому я заплатил, забрал закрытый крышкой стакан и вышел дожидаться в машине.

Ждать пришлось недолго. Не успел кофе остыть, чтобы его можно было пить, как смуглая толстуха в белой гофрированной юбке прошла по улице и остановилась перед запертой лавкой. Она перебрала массивную связку ключей, открыла одним из них дверь и перевернула табличку в витрине с «Закрыто» на «Открыто».

Я пошел поговорить с ней.

Женщина в самом деле оказалась Марией Торрес. И когда я сообщил, что Гектор сказал, будто бы она может свести меня с гватемалкой, которая, вроде бы, знает мать Майи, она кивала и принялась рассказывать на ломаном английском запутанную историю о своем сыне, как он познакомился и женился на этой гватемальской девчонке против ее воли и воли семьи. Она явно не слышала, что случилось с Гектором, а я не хотел говорить ей, поэтому я просто ждал, слушал, кивал, и когда она наконец сообщила мне имя и адрес своей невестки, я записал их.

- Она говорит по-английски? - спросил я.

- Тереза? - Мария широко улыбнулась. - Гораздо лучше меня.

Я поблагодарил ее и в знак признательности купил в ее лавке безделушку, маленький радужный «браслет дружбы», который можно будет подарить племяннице или просто выкинуть, в зависимости от настроения, которое меня посетит.

Гватемальцы жили в трущобах на южной окраине Финикса. Гетто в гетто, дурное место и в хороший день, а хороших дней было мало с самого начала этого долгого жаркого лета.

Дом я нашел без проблем - шаткую фанерную постройку, возведенную на лишенной растительности земле, вышел из машины и подошел к тому куску фанеры, в котором угадал дверь.

Нужно было взять диктофон, подумал я, стучась. Но это оказалось не важно, потому что дома никого не было. Я дошел до соседей по обеим сторонам, но в одном доме было пусто, а изможденный тощий старик из второго дома вовсе не говорил по-английски. Мои попытки заговорить на испанском вызвали у него лишь недоуменный взгляд.

Я решил отправиться домой, захватить диктофон, затем вернуться и посмотреть, не пришла ли Тереза, но, когда я подошел к двери своей квартиры, у меня звонил телефон. Он продолжал звонить, пока я отпирал и открывал дверь. Кому-то очень сильно хотелось поговорить со мной, я заторопился, поднял трубку.

Это оказался Большой Человек.

Я узнал голос, но не интонацию. Исчезло высокомерие, порожденное уверенностью и самонадеянностью за долгие годы власти.

Большой Человек был напуган.

- Она до меня добралась! - сообщил он.

- Мать Майи? Он был вне себя:

- Приезжайте немедленно!

- Что стряслось?

- Немедленно!

Я мчался, словно выпущенный из ада демон. Не сбросив скорость даже в Долине с ее скрытыми камерами и радарам, я вылетел на Скоттсдейл-роуд на скорости, почти в два раза превышающей разрешенную, решив, что все квитанции, которые пришлют мне по почте, оплатит Большой Человек.

Один из людей Прессмена ждал меня возле дома, меня быстренько ввели внутрь и проводили в спальню, где на стуле рядом с гигантской водяной кроватью сидел раздетый до пояса Большой Человек. Когда я вошел, он поднял на меня испуганные глаза.

Меня пробрал внезапный холод.

Его правая рука усохла до половины нормального размера и почернела. Целых три доктора, все явно высоко оплачиваемые специалисты, толпились вокруг него, один делал инъекцию, двое остальных негромко переговаривались между собой.

- Эта сука меня прокляла! - закричал он, и в его голосе звучали страх и злоба. - Хочу, чтобы ее нашли! Вы меня понимаете?

Мы с холуями кивнули. Никто из нас не знал, к кому именно он обращается, а в данной ситуации было безопаснее помалкивать.

Большой Человек поморщился, когда игла вышла из руки. Посмотрел на меня, подозвал жестом, один из докторов отошел в сторону, чтобы я мог подойти ближе.

- Есть ли способ исправить это? - проговорил он сквозь стиснутые зубы. - Можно ли как-нибудь снять с меня проклятие?

- Не знаю, - признался я.

- Ну, так узнайте!

Он закричал, и рука у нас на глазах сократилась еще на шесть дюймов. Доктора переглянулись, явно растерянные. Они казались обеспокоенными, и до меня впервые дошло, что, хотя они были главными в своей сфере, лучшими, цветом клиники Майо, они так же опасались гнева Большого Человека, как и все остальные. Эта мысль отрезвляла.

Я пошел к двери, собираясь найти телефон, сделать несколько звонков, выяснить, знает ли кто из моих знакомых что-нибудь о том, как снимают пожирающее руки гватемальское проклятие. У двери я обернулся, собираясь задать Большому Человеку какой-то вопрос, но он снова закричал, и рука с низким отвратительным влажным чмоканьем исчезла, ее огрызок втянулся в плечо, кожа сомкнулась над ним, словно руки никогда и не было.

Я выскочил из комнаты.

Ни у кого из моих знакомых не было ни сведений, ни догадок, и я решил, что лучше всего снова отправиться в шаткую хижину Терезы. Я велел одному из прислужников Большого Человека передать тому, что я уехал узнавать насчет проклятия и матери Майи. Холуй затравленно заозирался, я тоже смотрел бы так, если бы мне пришлось прямо сейчас докладывать о чем-либо Большому Человеку, и я быстро исчез, пока он не опомнился и не заставил идти с докладом меня самого.

На мое счастье, Тереза оказалась дома. Одна. Я напустил на себя самый официальный вид, чтобы заставить ее разговориться. Я работаю на Винсента Прессмена, сообщил я в надежде, что имя произведет на нее впечатление, а он хочет знать все об окружении своей бывшей горничной и ее дочери Майи.

Слухи о происходящем, должно быть, уже распространились по гватемальской коммуне, потому что при имени Прессмена Тереза побледнела, а когда я упомянул Майю, осенила себя крестом.

- Ты что-то знаешь об этом, - заявил я.

Она закивала, явно напуганная. У меня сложилось впечатление, что она не привыкла разговаривать с чужаками.

- Что творится? - спросил я. - Что происходит с мистером Прессменом?

Женщина затравленно огляделась.

- Он путался не с той женщиной. Она... как вы называете?.. Очень сильная...

- Ведьма? - поспешил я на помощь.

- Да, ведьма! Она его прокляла. Она его убьет, но хочет сначала помучить. - Тереза снова осенила себя крестом.

- А что с ее дочерью, Майей?

- Дочь умерла.

- Что?

- Мать ее убила. Ей пришлось. Не могла жить с позором. И теперь она обвиняет в смерти дочери его. Его вина, что ей пришлось убить девчонку. - Она покачала головой. - Плохо. Очень плохо.

Я спросил о снятии проклятия, спросил, может ли кто-нибудь это сделать, возможно другая ведьма, но Тереза заявила, что снять проклятие может только тот, кто его наложил. Она поведала мне о немногих возможных выходах из ситуации, но все они были совершенно чудовищны. Я спросил, нельзя ли мне поговорить с кем-нибудь, кто понимает в черной магии больше нее, но она не назвала мне ни одного имени.

Я решил заехать домой, позвонить некоторым людям, которые не были гватемальцами, но могли кое-что поведать о снятии проклятий, однако под дверями квартиры меня поджидал Армстронг. Он сообщил мне со своим обычным радостным хрюканьем, что поскольку я один из тех, кто последним видел Гектора живым, то автоматически подозреваюсь в убийстве. Я отрицал все, отчаянно пытаюсь понять, кто мог видеть меня с ним, кто мог меня заложить, но Армстронг жестом предложил мне спуститься и проехать с ним в участок, чтобы поговорить.

Всю дорогу до участка живот завязывало в узлы. Не из-за Гектора, я был невиновен, и даже Армстронгу не доказать обратное, а потому, что мне было необходимо переговорить с Большим Человеком. Он, однорукий, ждал, что мне удалось разузнать, но, ясное дело, звонить из участка я не мог и сидел в комнате для допросов, дожидаясь, пока кто-нибудь придет переговорить со мной, и прикидываясь, будто мне совершенно некуда спешить.

Прошел час или около того, и явился ухмыляющийся Армстронг. Он засыпал меня дурацкими вопросами, затем самодовольно откинулся на стуле.

- По моему разумению, ты хорошо влип, - сообщил он. - Я могу задержать тебя на двадцать четыре часа, думаю, так я и поступлю, пока мы будем разбираться в том, что ты наговорил, и проверять все твои алиби.

Он ухмыльнулся мне. Он знал, что я невиновен, но таковы были его представления о веселье, и я ничего не сказал и притворился, будто мне плевать, пока меня веля в камеру.

Посреди ночи меня разбудил напуганный молодой сержант, с ним был угрожающего вида человек в отлично сидящем деловом костюме, я понял, что Большой Человек нашел меня и выпустил на свободу.

Я был счастлив выйти, но мне не нравилась такая близость к обладающим властью. И я поклялся себе впредь быть осторожнее в выборе клиентов, каким бы интересным ни показалось их дело. Снаружи ждал лимузин, и мы в молчании поехали через пустыню.

Была поздняя ночь, но Большой Человек не спал. Еще он хромал. На нем было нечто вроде подгузника. Я заметил, как, садясь, он морщится от боли, и понял, что это гораздо хуже простого недержания.

Я боялся спрашивать, но нужно было знать.

- Что случилось?

- Мой член, - забормотал он невнятно, - напал на меня.

- Что?

- Я проснулся, а он превратился в змею. Он ужалил меня в ногу, обвился, вцепился в живот, я чувствовал, как в меня проникает яд. Тогда я побежал на кухню, схватил нож и отрезал его.

Потребовалось время, чтобы осмыслить услышанное. Прессмен отрезал собственный пенис? Я представил, как мать Майи хихикала про себя, создавая заклятие.

- Доктора залатали меня, но пришить его обратно не смогли. Он все еще был живой. Нам пришлось его убить. - Он поморщился, хватаясь за спинку дивана. - Итак, что вам

удалось узнать?

Я рассказал ему правду:

- Майя мертва. Мать убила ее. И она винит в ее смерти вас. - Я кивнул на его промежность. - Значит, это будет продолжаться. Вам придется мучиться, пока не умрете. А тогда она получит власть над вами после смерти. Она сможет делать что угодно с вашей душой.

- Я ее убью, - заявил он. - Найду эту суку и убью.

- Это ничего не изменит. Проклятие работает, и, насколько я понимаю, ее смерть не остановит его. Все гватемальцы напуганы. Она могущественная женщина.

- Так какие же у меня возможности? Я пожал плечами:

- Их три. Первая: заставить ее прекратить это, убедить ее снять проклятие, что, учитывая ситуацию, едва ли возможно. Вторая: маяться с этим дерьмом до самой смерти, а затем угодить в ее мстительные ручки... - Я помедлил.

- А третья?

Я поднял на него глаза.

- Вы можете сами распорядиться собственной жизнью. Тогда этому будет положен конец. Ее проклятие убьет вас... в конечном счете. Но если вы возьмете дело в свои руки, вы прервете его действие, разрушите ее планы.

Я говорил холодно, я говорил спокойно, но на самом деле я до смерти боялся. Не Большого Человека, уже нет, а того, во что я ввязался, сил, с которыми нам приходится иметь дело. Я был уже на пределе, а Прессмен по-прежнему взваливал все на мои плечи. Предполагалось, что я знаток, а на эту роль я никогда не претендовал и никогда ее не желал.

Он тем временем обдумывал выгоды самоубийства.

- Значит, если я суну дуло в рот...

- Нет, - возразил я. - Нужно зарезаться или повеситься. Его рука сползла со спинки дивана.

- Почему? - Он сверкнул на меня глазами. - Какая, на хрен, разница?

- Я не знаю почему. Но разница есть. Не я придумываю правила, я лишь рассказываю о них. Почему-то существует лишь два способа, с гарантией избавляющих вас от действия проклятия. Выстрел может сработать, но, с другой стороны, может и не сработать. А у вас будет только один шанс, необходимо удостовериться, что все пройдет как надо.

Он помотал головой, отталкиваясь от дивана и вставая.

- Проклятье! Тот способ, которым я хочу прикончить себя, не годится, потому что какая-то сучка напустила на меня свое вуду. Нет, я найду ее, избавлюсь от нее, и мы посмотрим, сработает ли это.

Он говорил это в четверг.

В пятницу у него выпали зубы.

В субботу он начал испражняться камнями.

Его люди нашли горничную, а позже ее нашли копы, у нее были выбиты зубы, руки отрублены, интимные части тела отрезаны, анус набит камнями. Как и Гектор, она была в мусоросжигателе, ее оставили там умирать, в следующие дни еще несколько гватемальцев, которые, как я понял, были в родстве с матерью Майи, тоже были найдены мертвыми.

Но беды Большого Человека от этого не прекратились. Его страдания усилились, к середине недели он спасался только мощнейшим обезболивающим.

Я продолжал расспросы, используя свои источники, даже съездил к Переплетчику, но все оказалось правдой, и никто не знал, как исправить сделанное ведьмой.

Я устранился, сидел дома, старался уйти от этого дела, не думать о нем, но в итоге он позвонил мне, и я пошел. В нем почти не осталось черт жесткого самоуверенного правителя криминального мира, которого я увидел в первый день нашего знакомства. Он был сломлен, он плакал, был пьян и измотан, он сказал мне, что хочет повеситься.

Только он слишком слаб, чтобы сделать это.

Я сказал, что он мог бы позвать на помощь кого-нибудь из своих людей, он ответил,

что не хочет, чтобы это делали они, да они, скорее всего, и не станут. Еще он хотел быть уверен, что все делает правильно, что все будет, как надо.

- Вы единственный, кто разбирается в этом дерьме, промямлил он.

Я нехотя кивнул.

Он схватился за мое плечо. Я думал, он хочет убедиться, что полностью владеет моим вниманием, но, кажется, он просто держался за меня.

- Я не хочу страдать после смерти, - прошептал он. Его глаза лихорадочно блестели и глядели пристально. - И я не хочу, чтобы эта дрянь победила. - Он заговорил громче. - Твоя дочь была лучшей из всех, кого я когда-либо трахал! - прокричал он в пустоту. Я взял эту потаскуху так, как она хотела! Я дал ей то, что она хотела! Я дал ей то, что она хотела!

Я оставил его в спальне, вышел в гараж, нашел веревку, завязал петлю, перекинул через балку и затянул узел.

В последнее мгновение он передумал. Многие передумывают. Это тяжелый способ уйти, болезненный и жестокий, в тот миг, когда он оттолкнулся от стула, он заскреб рукой по веревке и заболтался в воздухе.

Я хотел было ему помочь. Какая-то часть меня хотела ему помочь.

Но я не помог.

Я позволил ему трепыхаться, пока он не затих, глядел, как он умирает. Возможно, за это я пойду в ад, но угрызений совести я не испытываю. Я хотел бы сказать, что позволил ему умереть ради него самого, чтобы мать Майи не получила его душу. Но правда в том, что я желал его смерти. Я решил, что всем нам будет лучше без него.

- Это за Гектора, - произнес я негромко.

Я минуту постоял, глядя, как он поворачивается на веревке, и мне действительно стало не по себе. Такого никому не пожелаешь, я был рад, что он спасся, что ему не придется больше страдать.

Но еще я был рад, что с ним покончено.

Я вышел из спальни, прошел через холл, в кухне один из его людей ел крекеры.

- Звони копам, - сказал я ему. - Он мертв.

Холуй тупо уставился на меня. Он знал, что произошло, но, казалось, событие застало его врасплох.

- Что я им скажу?

Я потрепал его по щеке, проходя.

- Не переживай. Что-нибудь придумаешь.

Я вышел, сел в машину и как можно быстрее помчался прочь от этого дома. Воздух внутри автомобиля был спертым, но я не обращал внимания, у меня было такое чувство, будто меня только что выпустили из тюрьмы, я мчался по грязной дороге через пустыню, мимо крестов, мимо обломков куклы и пугал с черепами, к далекому белому смогу Финикса, дрожащему в жарком воздухе.